

Мясник Чжан и рад бы был сбежать, да куда там: Бай Цзыму орудовал ивовым прутом так споро, что здоровяк только и успевал подпрыгивать, оглашая окрестности истошными воплями.

Зрелище выходило на редкость трагикомичным.

— Бежать вздумал? Ну давай, беги! Еще попробуй! — Цзыму, чье лицо потемнело от гнева, довел Мясника до того, что тот заскулил по-собачьи. Резко остановившись, юноша указал на притихшего за его спиной Цзян Сяосаня: — Ты хоть знаешь, кто это?

Мясник Чжан, разумеется, знал.

Кто в деревне не знал Сяосаня? Маленький дурачок, каких поискать, но работающий — целыми днями хворост собирает. Его дом стоял неподалеку от огородов семьи Цзян, где Сяосань частенько полон сорняки. Мясник видел его едва ли не каждый день.

— Знаю, знаю! — прохрипел он, содрогаясь от боли в каждом суставе. — Это Цзян Сяосань, я признал его!

Бай Цзыму, не на шутку распалившись, задал следующий вопрос:

— А знаешь, кто его старший брат?

Мясник не посмел медлить:

— Цзян Сяои!

— Значит, всё ты знал! — голос Цзыму сорвался на крик. — Знал и всё равно, тварь ты этакая, посмел поднять на него руку? Цзян Сяои — мой фулан, а Сяосань — мой младший шуринок! Я сам на него дышать боюсь, пальцем ни разу не тронул, а ты кто такой, чтобы его обижать? А? Кто тебе такое право дал?!

Гнев душил Цзыму.

— Раз отец тебя не воспитал, я сам тебя прочу, чтобы память на всю жизнь осталась!

Он взялся за дело с удвоенной яростью. Ивовый прут рассекал воздух с пронзительным свистом.

— Будешь знать, как маленьких задирать! Всю задницу тебе в лохмотья измочалю! Дома за сыном своим приглядывай: сегодня я его только по попе отшлепал, но если еще раз увижу —

калекой оставлю!

— Да-да, всё сделаю! Только остановись, умоляю! — Мясник Чжан уже не кричал, а рыдал в голос. — Вернусь и сразу Дабао всыплю, накажу, чтоб за версту Сяосаня обходил!

Тонкий гибкий прутик казался сущей безделицей, но жалил так, что искры из глаз сыпались. Мясник был на грани обморока.

Однако Цзыму и не думал прекращать.

«Раз так громко орет, значит, силы еще остались. Надо добавить».

— Хватит, парень, уймись! — Старший дядя, испугавшись, как бы дело не кончилось бедой, бросился вперед, пытаясь перехватить руку юноши.

Цзыму даже не взглянул на него, лишь резко оттолкнул, бросив через плечо:

— Прочь! Не мешай! Я человека воспитываю! Ты еще кто такой, чтобы мне указывать? Смотри, и тебе перепадет!

Дядя так и застыл с открытым ртом.

Буквально на днях он расспрашивал отца Цзян о новом зяте: мол, живет у вас уже неделю, как он в деле? Отец Цзян тогда расплылся в улыбке, нахваливая Цзыму: и добрый-то он, и почтительный, и плечи старику разомнет, и спину помассирует — одно удовольствие, а не зять.

Дядя тогда не на шутку удивился. У самого сыновья выросли: послушные — да, работающие — спору нет, но чтобы массаж отцу делать? О таком в их деревне и слыхом не слыхивали.

«Неужто правда?» — сомневался он тогда.

«Брат, зачем мне тебе врать? Какая мне с того выгода?» — честно ответил отец Цзян.

Дядя поверил. Но сейчас, глядя на разъяренного юношу, готового отходить прутом родного дядю, он засомневался: неужто этот сорвиголова и впрямь может быть почтительным сыном?

Староста деревни при первой встрече с Бай Цзыму подумал, что тот похож на молодого господина из богатой семьи. А такие детки обычно капризны и скоры на расправу. И хотя Цзыму господином не был, нрав у него оказался не из легких.

Староста попытался окликнуть его, но юноша и ухом не повел. Одна из деревенских женщин,

вспомнив, как на днях у реки Цзыму едва ли не пылинки сдувал с Цзян Сяои — и камни ему подносил, и рукавом их протирал, лишь бы мужу удобно сиделось, — решила, что только Сяои сможет его унять.

Она уже открыла рот, чтобы позвать Сяои на помощь, но тот сам вылетел из толпы, размахивая коромыслом.

— Ах ты, животное! Мужа моего бить?! Братишку калечить?! Убью! Зашибу!

Староста: «...»

Окружающие: «...»

Куда это Сяои смотрит? Как у него язык повернулся такое сказать? Совесть-то совсем не гложет? Тут ведь Мясника Чжана в три погибели согнули и в хвост и в гриву хлещут!

А Сяои, завидев Сяосаня, который недвижно висел на спине Цзыму, свесив ножки, решил, что братишку уже превратили в калеку. От этой мысли у него в глазах потемнело, а сердце облилось кровью. Младший брат и так умом не блистал, будущего у него и без того не было, а если еще и ноги лишится — как жить? Сможет ли он вообще жену найти?

Дядя, не рискнувший трогать Цзыму, попытался перехватить племянника:

— Сяои, остановись! Хватит!

Сяои, захлебываясь слезами, прорыдал:

— Он брата моего бил! Дядя, он же его калекой сделал! Что теперь будет?!

Дядя: «...»

Окружающие: «...»

С чего они взяли, что Сяосань искалечен? Вроде все на месте...

Люди разом уставились на мальчишку. Волосы у Сяосаня, конечно, растрепались, вид был тот еще, сразу видно — досталось бедняге. Но при этом щеки его горели румянцем, а в глазах, устремленных на Цзыму, светился такой восторг и обожание, что ни о каком увечье и речи быть не могло. Разве так выглядят избитые до полусмерти? Да он бы уже на всю округу выл!

— Гэ-гэ! — услышав свое имя, Сяосань звонко и радостно окликнул брата.

Сяои замер. Спустя мгновение он медленно опустил коромысло и перевел взгляд на Мясника Чжана. Тот представлял собой жалкое зрелище: лицо в соплях и слезах, вся спесь сошла на нет.

Мужчины не плачут, если только боль не становится невыносимой.

— Муж... — тихо позвал Сяои. — Перестань... не бей его больше.

«Муж?»

Цзян Сяои впервые назвал его так.

Бай Цзыму почувствовал, как сердце его наполнилось теплом, словно он принял чудесную пилюлю бессмертия. Блаженство разлилось по телу, и он, сияя от счастья, тут же разжал руки.

Мясник Чжан, у которого уже и сил-то кричать не осталось, почувствовав свободу, подхватил штаны и, прикрывая задницу руками, припустил к дому. Он бежал так, словно за ним гнался сам дьявол, боясь, что Цзыму передумает и снова примется за него.

Больно. Невероятно больно.

«Ну и лютый же этот парень, — думал Мясник. — А жена-то моя талдычила: задохлик, мол, немощный, неизвестно, мужчина ли вообще, Сяои, небось, вдовой при живом муже останется».

Проклятье. Похоже, это она чуть вдовой не осталась. Вечно набьет брюхо и шастает по деревне, сплетни собирает. Не разберется, где правда, а где ложь, и ему в уши льет. Не послушай он её — разве полез бы на рожон?

Шумная сцена подошла к концу.

Главные герои разошлись, но толпа еще долго не могла прийти в себя. Теперь на Бай Цзыму смотрели совсем иначе.

Шутка ли — гнать Мясника Чжана от Склона Лювань до самого края деревни, потом обратно, и так несколько раз, а в конце еще и отходить как сидорову козу! С таким малым лучше не связываться. Мясник в их краях считался первым силачом, никто ему противостоять не мог, а тут — полное поражение. Куда уж остальным соваться?

Госпожа Цянь, казалось, лишилась дара речи. Она мелко дрожала, не смея поднять глаз. Люди всегда выбирают жертву послабее — так уж заведено. Если в доме нет крепкого мужчины, жди беды.

Раньше она ни в грош не ставила семью Цзян, а на Цзыму и вовсе смотрела свысока, позволяя себе колкие намеки через забор. Теперь же всё изменилось. Она вспомнила свои недавние слова... И хотя говорила она не о Цзыму, тот ведь избил Мясника за Сяосаня...

Госпожа Цянь вздрогнула и, не оглядываясь, бросилась к своему дому, боясь, как бы юноша не вспомнил старые обиды и не взялся за неё.

Бай Цзыму и Цзян Сюои направились к себе.

Деревенские молча провожали их взглядами. Староста лишь покачал головой. Годы брали свое: после такой беготни ноги у него подкашивались, и единственным желанием было поскорее добраться до кровати.

— Расходимся, люди, расходимся! После полудня придут стражники, готовьтесь. Зерно взвешивайте тщательно, чтобы ни грамма не хватало. Не ровен час, разгневае господ — палками побьют.

Народ потянулся по домам, вполголоса обсуждая увиденное.

Склон Лювань

Чжан Дабао всё еще заходился в плаче — его вопли были слышны за версту. Мать баюкала его, осторожно потирая пострадавшее место.

— Ох, чтоб этой семейке Цзян пусто было! Как можно было так на ребенка руку поднять? Посмотрите, люди добрые, во что они моего Дабао превратили! Чтоб им ни дна ни покрышки, изверги!

Прохожие лишь кривили губы в усмешке.

«Ишь, чего захотела, — думали они. — Значит, её Дабао можно других обижать, а как его приструнили — так сразу изверги? Да по этому Дабао самому преисподняя плачет».

Почти каждый ребенок в деревне хоть раз да пострадал от рук этого сорванца. Но поскольку с Мясником Чжаном связываться никто не хотел, родителям приходилось лишь наказывать своим детям обходить Дабао стороной.

Теперь же, видя его слезы, все чувствовали лишь глубокое удовлетворение. Многим даже казалось, что Цзыму обошелся с ним слишком мягко.

Заметив, что госпожа Чжан переходит все границы в своих проклятиях, кто-то не выдержал:

— Слышь, Чжанова, попридержала бы ты язык! Услышит тот парень из семьи Цзян — и тебе всыплет, мало не покажется.

— И то верно, — подхватила молодая женщина с нескрываемым злорадством. — Дочки твои все замужем, заступиться некому. Мужа твоего, небось, уже в котлету превратили, если и с тобой что случится — кто за ним ухаживать будет?

Довод подействовал. Госпожа Чжан осеклась и лишь крепче прижала к себе сына, причитая: «Сыночек мой, кровинушка, за что ж тебе такие муки...»

Цзян Сяоэр был мал ростом — даже придорожная трава была выше него. Он не видел, что творилось на Склоне Лювань, но истошные вопли Дабао слышал отчетливо. Овощи уже были собраны, старые листья оборваны, но младший брат так и не появился.

Сяоэр рассудил, что Сяосань, должно быть, забыл о поручении на полпути, и решил сам пойти проверить.

Добравшись до Склона Лювань и увидев толпу, он из любопытства подошел поближе. Чжан Дабао со спущенными до колен штанами лежал на руках у матери, которая дула ему на покрасневшую задницу. Кожа там была яркой, как спелый стручковый перец.

Сяоэр почесал затылок. «Неужто Дабао так сильно упал?»

Он дернул за край одежды стоявшую рядом женщину:

— Бабушка Цзя, а что с Дабао случилось?

Бабушка Цзя замялась. Сяоэр и Сяосань не были похожи на обычных братьев: они никогда не ссорились, всегда ходили за ручку. Она побоялась говорить правду — вдруг Сяоэр так разволнуется за брата, что в обморок упадет?

— Упал он, Дабао-то твой. Споткнулся сильно.

Сяоэр кивнул с видом знатока. «Так я и думал».

Дабао вечно носится как угорелый. Гэ-гэ всегда говорит: будешь бегать — расшибешься. Он ведь предупреждал Дабао, когда видел его в прошлый раз, но тот, видать, не послушал.

Ну вот, теперь расплачивается.

Сам Сяоэр двигался медленно и потому никогда не падал. Младший брат, конечно, иногда спотыкался, но всегда поднимался сам и никогда не ревел так, как Дабао.

«Упал и плачет — нехорошо это».

Но задница Дабао выглядела и впрямь жутко — вся распухла.

«Надо скорее братишке сказать, чтобы он тоже не бегал, а то упадет и будет больно-больно».

А раз Сяосань так долго не идет, может, он тоже по дороге упал и теперь не может встать?

От этой мысли Сяоэр не на шутку встревожился и, как мог, поспешил домой.

Женщины, стоявшие рядом, лишь проводили взглядом маленькую фигурку. Сяоэр шел, заложив руки за спину, словно старик на прогулке, неспешно переставляя ножки.

Несколько мужчин, отличавшихся вспыльчивым нравом, поспешили закрыть глаза. На Сяоэра им смотреть было не вмоготу — так и подмывало подойти и дать ему хорошего подзатыльника, чтобы хоть немного ускорился.

Один из них вздохнул, вспомнив случай. Как-то раз он ужинал, а Сяоэр как раз возвращался от старшей ветви семьи Цзян. Мальчик вежливо поздоровался, проходя мимо ворот. Мужчина успел поесть, сходить в нужник, а когда вышел — Сяоэр всё еще был у его забора. Его маленький внук, который только ползать научился, за это время успел бы полдеревни пересечь, а Сяоэр...

В общем, смотреть на это было больно. В итоге мужчина не выдержал и сам донес мальчишку до дома на руках.

Почти каждый в деревне хоть раз да подвозил Сяоэра на руках. Несмотря на любовь к сплетням и мелким пакостям, люди здесь в глубине души были не такими уж плохими.

Когда Сяоэр добрался до дома, он весь взмок от усердия. Сяосань сидел на коленях у Бай Цзыму, а тот расчесывал ему волосы.

— Братишка, — позвал Сяоэр. — Ты упал?

— Откуда ты знаешь, второй брат? — удивился Сяосань.

— Я догадался. Ты, небось, бежал быстро-быстро и споткнулся. Сильно болит? А почему гэфу снова тебе волосы чешет?

— Сяосаня Дабао побил, — ответил за него Бай Цзыму.

Сяоэр от удивления даже рот открыл.

— Побил? А почему тогда у Дабао попа красная-красная?

— Это гэфу его проучил. Гэфу за меня отомстил! — Сяосань так и светился от восторга. Его и раньше носили на спине — и отец, и Сяои, и двоюродные братья. Но чтобы верхом на ком-то ехать на битву — такое было впервые! Цзыму мчался как ветер, а Сяосань чувствовал себя настоящим всадником. Это было так захватывающе, что дух захватывало!

Захлебываясь от радости, Сяосань принялся в лицах показывать, как выл и рыдал Мясник Чжан. Сяои легонько шлепнул его:

— Тебе бы всё смеяться! Я чуть со страху не помер. Чтобы больше и близко к Дабао не подходил, понял?

Бай Цзыму усмехнулся:

— Теперь еще вопрос, кто кого обходить будет.

Дабао — обычный задира, который только и умеет, что за чужие спины прятаться. Теперь, когда его самого отходили, а его «гору» прилюдно унизили, он будет бегать от Сяосаня быстрее собаки.

Да и вообще, пока он здесь, его шуринам не пристало ни от кого прятаться. Это было бы просто позором для него. С ним за спиной эти двое могут хоть на тигра с голыми руками идти, не то что на какого-то Дабао.

Прятаться? Еще чего! Засмеют ведь.

Сяоэр, слушая восторженные рассказы брата, только и успевал ахать. В конце он обхватил ногу Цзыму:

— Гэфу, ты такой сильный! Сяоэр тебя так любит! Ты пить не хочешь? Сяоэр сейчас принесет водички!

Цзыму с умилением смотрел, как мальчик «мчится» на кухню.

В половине второго снова прибежала внучка старосты. Сказала, что стражники прибыли и велели всем нести зерно на общую площадь.

Статус тосэна был лишь первой ступенькой на пути к чиновничьей карьере и не давал никаких особых привилегий. В глазах закона такой человек мало чем отличался от простолюдина. Только получив звание сюцая, можно было рассчитывать на освобождение от налогов, трудовой повинности и право не склонять колени перед чиновниками.

Когда Бай Цзыму и Цзян Сяои принесли мешки, семья Цянь как раз сдавала свою долю.

Из управы прибыли трое стражников на волах. Один сверял списки: в управе всё было учтено — сколько в деревне дворов, сколько у кого земли, заливных полей и суходолов. Если не случалось засухи или наводнения, урожайность считалась по среднему значению.

С заливного поля полагалось сдать сто девяносто цзиней с му.

С суходола — двести десять цзиней.

Если крестьянин трудился на совесть и собирал больше — излишки оставались ему. Но если ленился и запускал поле, то даже если собирал всего крохи, налог всё равно высчитывали из установленной нормы.

Двое других стражников проверяли зерно и следили за весами: не подмешано ли старое зерно, нет ли песка и не обманывают ли с весом.

— Цянь Югуй? — выкрикнул стражник, сверяясь с книгой.

Старик Цянь и дядя Цянь вместе с сыновьями и невестками покорно склонились:

— Здесь, здесь мы...

В те времена сословные различия были незыблемы. Стражники хоть и не были важными чинами, но для простого люда они олицетворяли власть. Крестьяне боялись их как огня и вели себя тише воды ниже травы.

На площади собралась почти вся деревня. Стояла мертвая тишина — никто не смел даже шепотом перемолвиться, все ждали своей очереди с величайшим почтением.

Стражник просмотрел записи, сообщил товарищам, сколько у семьи Цянь земли и сколько они должны сдать риса и кукурузы. Велел смотреть в оба. Закончив с ними, он обвел толпу взглядом и вдруг замер, заметив в конце очереди Бай Цзыму.

— Брат Бай?

Площадь охнула. Люди застыли в изумлении.

Кого это он так назвал? Да еще и «братом»?

<http://bllate.org/book/13701/1592293>